

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIV всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(5–7 ноября 2024 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2025

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. *А. Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
к.и.н., доц. *М. И. Дмитриева*,
к.и.н., доц. *Е. В. Кулешова*,
к.и.н., доц. *Д. Н. Старостин*,
к.и.н., доц. *Е. А. Терентьева*,
к.и.н., доц. *Н. А. Бережная*,
д.и.н., доц. *Е. А. Мехамадиев* (отв. секретарь)

Рецензенты:
д.и.н. *С.Е. Федоров*
(Санкт Петербургский государственный университет)
к.и.н. *З.А. Лурье*
(Теологический институт, Колтуши).

П78 Проблемы истории и культуры средневекового общества.

Материалы XLIV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2024 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2025. — 767 с.

ISBN 978-5-00197-183-2

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-183-2

© Авторы статей, 2025
© Скифия-принт (макет), 2025
© Проект «Европейское наследие», 2025

Лахтинен И.Ю.

Дева Мария и марианский культ: взгляд Мартина Лютера 252

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

Михальчук А.А.

Что скрывают «языческие» печати Каролингов: о повторном использовании античных инталий и гемм в Средние века 260

Комаров С.С.

Кревская уния в оценках польских историков конца XVIII — начала XX вв. 269

Веретенникова А.Д., Уртенкова М.А.

«Книга о рыцаре Сифаре» как исторический источник. 276

Бурнатов А.И.

Йомсвикинги как предмет полидисциплинарного научного анализа в историографии второй половины XX — начала XXI века 285

Кошелева С.С.

Альбрехт Бранденбург-Ансбахский как символ преемственности власти Тевтонского ордена в Пруссии в хронике Матфея Вайсселя . . . 296

Драган К.В.

Страх и реальность: описание протестантов доминиканской монахиней Марией Анной Юниус 305

Ерунов М.К.

Путешествие из Ирландии в Империю: Британские острова и континент глазами Томаса Карве 315

Гафуров С.О.

Момент предательства: роль подданных императора Фердинанда II Габсбурга накануне шведского вторжения в Германию по «Анналам Фердинанда» Ф.К. Кевенхюллера 325

Шишкова А.Е.

Особенности топографических сочинений раннего Нового времени на примере «Топографии Германии» Маттеуса Мериана (1593–1650 гг.) 334

Смирнова Н.А.

«История бриттов» Гальфрида Монмутского и предпосылки к «исторической революции» в антикварианизме XVI века 341

Лапина А.Ф.

Проблема авторства «Письма» о посещении Елизаветой I замка Кенилворт 347

Жадько А.А.

«Хроники Холиншеда» как основной источник для Шекспира 355

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ

Щукин С.В.

Истоки кризиса Вестготского королевства в начале VII века 364

Лазарев С.С.

Култ святого Эдуарда Исповедника и представления об идеальной модели королевского управления. 373

Сингх М.С.

К вопросу о католической миссии и деятельности духовно-рыцарских орденов в контексте христианизации Восточной Прибалтики в XIII веке 382

Житенёв С.Т.

Неудавшиеся городские союзы в Священной Римской империи XIII в.. 394

Кадакин Б.И.

Битва при Легнице 1241 г. и память о ней в средневековой Польше . . 405

Белов П.И.

Маршруты походов Тевтонского ордена в Жемайтии и Нижнем Понеманье в конце XIII — конце XIV вв. 415

Кулешов Н.В.

Сербо-османские отношения после битвы при Анкаре до 1404 г. . . . 429

Щепкин К.К.

Virtu и «политический реализм по Никколо Макиавелли: теория и практика 436

Павлов К.В.

Дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: «политика одного клана» и миссия Франческо Содерини ко двору Чезаре Борджиа (июнь — июль 1502 г.) 446

Лихачев М.Д.

Процесс бюрократизации системы управления Испанской монархией первой половины XVI в. на примере кортесов Кастилии и Леона 459

Федоров А.В.

Гиз-Лотарингцы и Амбуазский заговор в «Истории» Энрико Катерино Давилы 466

Бурмистрова А.В.

Влияние событий «Варфоломеевской ночи» 1572 г. на англо-французские отношения. 474

Дронов Б.В.

«Истинный закон свободных монархий»: причины написания и власть монарха в интерпретации Якова I Стюарта 483

Ершов А.Р.

Начало парижской войны (зима 1649 г.): проблема перехода столицы на военное положение во время Фронды 490

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Бабина А.А.

Пророки, лжепророки и визионеры в позднеантичной латинской агиографии 502

УДК 94 (450).06

Павлов К.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант.

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: «политика одного клана» и миссия Франческо Содерини ко двору Чезаре Борджиа (июнь — июль 1502 г.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема «политики одного клана» во Флоренции эпохи Итальянских войн: а именно о дипломатии клана Содерини. Автор связывает политическое возвышение семьи Содерини с изменениями курса Флоренции в Итальянских войнах. Анализируется миссия Франческо Содерини ко двору Чезаре Борджиа (22 июня — 20 июля 1502 г.), рассматриваемая в числе первых шагов дипломатической линии Содерини. Делается вывод о противоречивом результате данной миссии для политических перспектив Флоренции.

Ключевые слова: Флоренция, Итальянские войны, Содерини, Борджиа.

Pavlov K. V.

St. Petersburg University, Institute of History,
Post-Graduate Student.

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Florentine Diplomacy in the Italian Wars: The “One Clan Policy” and Francesco Soderini’s Mission to the Court of Cesare Borgia (June — July 1502)

Abstract. The article deals with the problem of formation of “one clan policy” in Florence of the Italian Wars era — the Soderini clan. The author connects Soderini’s political rise with the changes of Florentine course in the Italian Wars. Among the first steps of Soderini’s diplomatic line, Francesco Soderini’s mission to the court of Cesare Borgia (22 June — 20 July 1502) is analyzed. The contradictory result of this mission for political prospects for Florence is concluded.

Keywords: Florence, Italian Wars, Soderini, Borgia.

Политическая история Флорентийской республики в эпоху одного из крупнейших военно-дипломатических конфликтов в европейской истории — Итальянских войн 1494–1559 гг. — изучена достаточно подробно. В некоторых исследованиях отмечалась проблема зависимости политики Флоренции в войнах на Апеннинах от внешних сил — крупнейших европейских держав — сторон итальянского конфликта на разных этапах его развития, когда флорентинцы были ведомы альянсами с Францией и Испанией [1, р. 317–333; 2, р. 111–114]. Кроме того, рассматривалась проблема внутривнутриполитических пертурбаций в развитии республики военных лет (1494–1527 гг.) [3, р. 390–399, 419–425, 434–440; 4, р. 38–75; 5, р. 261–280]. В рамках обоих подходов к изучению флорентийской политики в Итальянских войнах принципиальное значение отводилось проблеме влияния на эту политику фактора противоборства кланов — знатных и влиятельных семейств республики, стремившихся установить в ней свою власть.

Первые рассуждения об этом содержатся уже в трудах современников данных событий. Одним из наиболее ранних в их чередѣ стало сочинение Бьяджо Буонаккорси, флорентийского государственного служащего в 1498–1512 гг., коадьютора, ответственного за внешнюю политику республики Совета Десяти, под названием «Кампания, предпринятая Флорентийской синьорией в 1500 году, с помощью французов, для завоевания города Пиза, во главе с капитаном Монсеньором де Бомоном» [6, р. 385–421]. Буонаккорси обращает внимание на два ключевых аспекта флорентийской военной дипломатии рассматриваемого периода. В его представлении тосканская республика в 1500 г. была сосредоточена на разрешении проблемы возврата владения Пизы, крупного морского порта, утраченного ею в начале войн на Апеннинах в результате поддержанного Венецией мятежа в 1494 г. [6, р. 386–387]. Вместе с тем, Буонаккорси указывает на исключительную вредоносность клановых противоречий внутри Флоренции для принятия мер в организации военных предприятий, требуемых для взятия Пизы [6, р. 409–410]. Так, неудачу предпринятой Флоренцией военной кампании он обосновывает противоречиями между двумя комиссарами войны, ответственными за организацию кампании: Лука дельи Альбицци хотел самостоятельно прорвать оборону Пизы по морю, тогда как Джованбаттиста Ридольфи напротив, предлагал выжидать прихода пехоты из предоставленных декларативными союзниками-французами наемных отрядов [6, р. 410]. В противоречиях между Альбицци и Ридольфи, выразившихся при отъезде последнего из лагеря флорентинцев под предлогом мнимой болезни [Там же], Буонаккорси усматривает более крупный конфликт интересов,

выразителями которого явились оба комиссара войны. Однако эта борьба двух групп интересов флорентийских кланов, выбиравших между свободой или принятием протектората, была бы невозможна без участия еще одного фактора, проистекавшего из клановой природы флорентийской политики: изгнания из республики в 1494 г. династии Медичи.

Анализируя ситуацию с изгнанием Медичи, флорентийский дипломат, современник и историк войн на Апеннинах Франческо Веттори в своем сочинении «Изложение истории Италии 1511–1527 гг.», обращает внимание на своеобразный «забор» (*steccato*) перемен в политическом устройстве Флоренции 1494–1527 гг. [7, р. 140]. Согласно Веттори, тосканская республика, из которой в начальный период Итальянских войн, в 1494 г., был изгнан многолетний политический «гегемон», до возвращения Медичи к правлению в 1512 г. была видоизменена дважды за восемнадцать лет. В первый раз это было продиктовано внешним «импульсом», когда преобразование Флоренции шло по «французскому образцу» (*modo Franzese*) в период правления Джироламо Савонаролы, с попыткой построить государственные магистраты «созывного» типа [7, р. 140]. Во второй раз это видоизменение касалось внутривнутриполитической реструктуризации Флоренции установлением в 1502 г. режима власти абсолютного правителя, «облаченного» в республиканскую форму — «вечного гонфалоньера» (*gonfaloniere perpetuo*) при Пьеро Содерини. По мнению Веттори, Содерини были одним из нескольких влиятельных политических кланов Флоренции (наряду с кланами Строцци, Валори и Каппони), которые в отсутствие изгнанных в 1494 г. Медичи попеременно стремились взять основные рычаги влияния в борьбе за власть в республике [7, р. 141–143]. До возвращения Медичи в 1512 г. именно Пьеро Содерини удерживал, по сути, единоличную власть во Флоренции в течение целого десятилетия, с 1502 по 1512 гг.

Фигуре Пьеро Содерини, а также роли его фамилии в политической борьбе во Флоренции, посвящены статьи и монографии [8; 9; 10]. Так, в статье австралийской исследовательницы Р. Песман Купер вопрос о становлении Содерини пожизненным гонфалоньером Флоренции осенью 1502 г. рассмотрен как попытка сглаживания клановых противоречий внутри тосканской республики [8, р. 145–185]. Как отмечает Песман Купер, в конкретный момент времени Содерини сумел консолидировать вокруг своей персоны достаточное количество последователей из различных клановых «фракций» флорентийской политики. Его фигура у руля республики на время стала относительно компромиссной для савонаролианцев (к которым внутри республики примыкали радикал-республиканцы

из пополанского сословия), оптиматов (представителей флорентийского нобилитета) и приверженцев умеренного баланса в политическом развитии Флоренции, составлявших ядро сторонников самого Содерини [8, р. 152–157]. В статье, написанной ею совместно с итальянским ученым Ф. д'Аддарио [9], Песман Купер утверждает о свержении режима Содерини во Флоренции в 1512 г. при поддержке Испании как логическом итоге усиления активной прослойки флорентийского нобилитета, вставшего в оппозицию так и не сформировавшемуся полностью «народному правительству» (*Governo popolare*) [9, р. 225–260]. По мнению ученых, Содерини практически сразу дискредитировал свой проект «паритетного правления» перед этой прослойкой, желавшей вернуть Медичи в республику еще в 1504 г., но на тот момент не заручившейся для этого необходимой международной поддержкой [9, р. 226]. Наконец, влияние клана Содерини на политическую жизнь Флоренции эпохи Итальянских войн рассмотрено в монографии британского историка К. Дж. Лоу, посвященной персоналии брата флорентийского гонфалоньера, представителя церковной элиты Апеннин Франческо Содерини [10]. В исследовании Лоу акцент сделан на конструировании прямого противостояния в политике Флоренции кланов Содерини и Медичи, а также на проблематике соотношения представительства аристократического и торгового элементов во властных структурах Флорентийской республики как «маркера» подобного противостояния двух кланов [10].

Таким образом, ранняя дипломатия клана Содерини во Флоренции и значительный ее эпизод — миссия Франческо Содерини ко двору Чезаре Борджиа в июне — июле 1502 г., не рассматривавшийся ранее, стала центральной проблемой данного исследования, решение которой позволит ответить также на вопрос о «клановости» во флорентийской политике данного периода.

Пьеро Содерини, по меткому выражению советского ученого А.К. Дживелегова, пришел к власти во Флоренции как «представитель рантье́рской группы» тосканской политической элиты [11, с. 18]. Дживелегов упомянул и направление торговой деятельности клана Содерини: помимо внутриитальянских предприятий, это были также «конторы в Лионе и Антверпене» [11, с. 16]. Наличие торговых предприятий во Франции могло бы служить указателем заинтересованности Содерини в продолжении савонаролианского курса начала Итальянских войн на поддержание, по сути, негласного внешнего управления французами тосканской республикой под королевским гербом Валуа [12, с. 104–105]. Однако именно принадлежность к торговой корпорации помогла Пьеро

Содерини рассчитывать на проведение модификации флорентийской дипломатии по типу «выравнивания» отношений с Францией. С точки зрения современной исследовательницы дипломатии ренессансной Италии И. Лаццарини, купцы и агенты банковских операций во Флоренции часто привлекались к дипломатической деятельности, в частности, в эпоху Итальянских войн сразу вскоре после изгнания дома Медичи [2, р. 40]. Находясь в курсе информации, получаемой официальными резидентами Флоренции в европейских столицах, представители торговой корпорации республики в каком-то смысле становились идеальными посредниками для проведения внешнеполитических контактов как «сделок», основанных на взаимовыгодном обмене. Банковские капиталы бывшей медичейской принадлежности становились предметом «транзакций» за поддержку невмешательства флорентинцев в глобальный контекст военной дипломатии Апеннин [2, р. 40–41]. Но утрата Пизы — стратегического «форпоста» флорентийской морской торговли с начала XV в. — оставалась для торговой корпорации республики проблемным наследием последних лет медичейского правления изгнанника Пьеро II [4, р. 70]. Вместе с тем, влияние Содерини на политику Флоренции не ограничивалось лишь кругом купцов и банковских агентов.

Фамилия Содерини во флорентийской политической системе (к выходу в ее свет Пьеро) являлась старинным и уважаемым кланом, известным в нескольких поколениях. Как отмечает британский историк ренессансной Флоренции С. Милнер, одним из первых начинаний Содерини по приобретению политического веса в тосканской республике стало деятельное участие в подавлении антифлорентийских коммунальных выступлений в Пистойе, имевших место в 1398–1413 гг. [13, р. 319]. Дальнейшая динамика влияния Содерини на политику Флоренции связана с именами деда и отца Пьеро Содерини — Никколо [3, р. 300–301] и Томмазо [3, р. 364]. После фиаско Никколо Содерини с радикальным проектом политических преобразований во Флоренции по венецианскому образцу, ультимативно отвергнутым Козимо Медичи [3, р. 301], его клан временно впал в немилость. Однако умение Томмазо, сына Никколо, балансировать между группами интересов флорентийской политики и обзаводиться связями, на позднем этапе правления Лоренцо Медичи привело к тому, что его сыновья в условиях крушения медичейской системы после 1494 г. получили солидный семейный «багаж» для приобретения небывалого влияния в деле управления республикой [10, р. 35–36]. Выигрышным обстоятельством для упрочения влияния клана Содерини стало и тяготение сыновей Томмазо к различным группам флорентийской политической элиты. Так,

Паолантонио, брат Пьеро Содерини, был известен как последовательный сторонник Савонаролы [3, р. 385, 398]. Впрочем, подобную репутацию он также использовал для роста политического влияния клана Содерини. Как указывает итальянский исследователь политической системы Флоренции рубежа XV–XVI вв. Дж. Кадони, именно Паолантонио поспособствовал поддержке своего брата Пьеро в политических кругах, «...ранее считавшихся чуждыми идеям баланса и тяготевшим к савонаролианскому республиканскому радикализму» [14, р. 114]. Говоря о «клановом» характере выбора Содерини в высшее руководство Флоренции, также важно отметить, что ближайшим к Пьеро лицом был его брат, Франческо Содерини, епископ республики в Вольтерре [10, р. 35]. Примечательно замечание, сделанное флорентийским дипломатом, мыслителем и историком эпохи войн на Апеннинях Франческо Гвиччардини в «Истории Италии» о роли епископа Вольтерры в попытке разрешить «пизанский вопрос» флорентийской политики в крайне специфических ее реалиях. Это был момент «вакуума власти» в тосканской республике, когда Медичи уже были изгнаны, а Савонарола де-юре еще не реформировал политическую систему города по своему усмотрению [15, с. 95–97].

В это время Пизу, которая успешно пользовалась протекцией венецианцев [5, р. 41–42], заняли войска Карла VIII, и епископ Вольтерры ораторствовал перед французскими послами о легитимности флорентийского владения Пизой. Свое сомнение послам высказали восставшие пизанцы: «Флорентинцы не считают нужным долго уговаривать Карла, христианнейшего короля Франции, поступить подобающим ему образом, ибо зная о его мудрости и справедливости, они не верят, что он поддастся на беспочвенные жалобы и клевету, памятуя о том, что пообещал еще до того, как его войско вошло в Пизу, и в чем торжественно поклялся во Флоренции. Ведь самый великий и могущественный король славен тем, что употребляет свое могущество на поддержание правосудия и веры» [15, с. 96]. В ответ послы Карла, однако, передали распоряжение своего монарха вернуть Флоренции Пизу лишь после того, как сама Франция реализует ключевую цель своей экспансии на Апеннины — возьмет Неаполь [Там же]. Однако неаполитанская кампания французов после 1495 г. забуксовала, а свержение режима Савонаролы и казнь монаха в мае 1498 г. последовали вскоре после смерти Карла VIII и воцарения на французском престоле орлеанского герцога Людовика [15, с. 219]. Соответственно, новая высшая политическая элита Флоренции (в лице фамилии Содерини), с одной стороны, не могла опираться на имевшиеся предварительные договоренности с Карлом VIII, а с другой стороны, по-

лучила возможность выстроить новую модель военно-дипломатической коммуникации с ключевым игроком итальянского конфликта — Францией, с расчетом на успешное разрешение «пизанского вопроса».

Первые шаги «клановой дипломатии» Сoderини оказались направлены на поддержание традиционной для различных групп флорентийской политики общности представлений об идее «свободы» (*liberta*) как высшего республиканского блага. Именно с этой практической целью (а отнюдь не символически) исполнительный орган власти, ответственный за республиканскую дипломатию — Совет Десяти, был переименован из Совета Войны (*Dieci di guerra*) в Совет свободы и мира (*Dieci di liberta e pace*) [14, р. 115]. Однако чтобы отстоять эту свободу, Флоренции требовалось разрешить проблему с пизанскими мятежниками. Неудача предпринятой в 1500 г. попытки наступления на Пизу комиссаров войны Альбицци и Ридольфи, описанная выше, вскоре усугубилась неожиданным обстоятельством. Этим обстоятельством стало становление и упрочение режима Чезаре Борджиа — герцога Валентинуа, осуществившего в 1498–1502 гг. ряд успешных военных авантур на землях Италии при патронаже понтифика Александра VI, чьим bastardом он являлся: последовательное занятие Имолы, Форли, Фаэнцы, Романьи, Камерино и Урбино [16, р. 172–201]. Авантюристичность намерений герцога вкупе с возросшей уверенностью пизанцев в свете неудачи флорентийской попытки наступления создали для тосканской республики серьезную угрозу. 10 декабря 1501 г. Магистрат Десяти (пизанский орган власти, ответственный за дипломатию) подготовил проект соглашения с папой и герцогом Валентинуа, содержавший следующие положения:

- I. Пиза отдается Валентинуа, с обязательством за это вернуть Ливорно, Порто-Пизано и все местности, занятые флорентинцами.
- II. Никогда не заключать мира или союза с Францией.
- III. Валентинуа будет титуловаться герцогом Пизы; он будет носить герцогские знаки отличия, с наследованием от первенца к первенцу.
- IV. Флорентинцы не могут приобретать недвижимое имущество в Пизе и ее окрестностях.
- V. Пусть сохраняется Магистрат Десяти.
- VI. Не позволено вводить никаких налогов в Пизе и ее окрестностях.
- VII. Папа и Валентинуа не могут заключать мир или перемирие с флорентинцами.
- VIII. Преемником нынешнего архиепископа Пизы должен стать один из почтенного и благородного дома Борджиа [17, р. 69–70].

По всей видимости, герцог был осведомлен о проекте пизанцев и осознавал очевидность угрозы Флоренции, которую несло его претворение в жизнь. Так, венецианский посол в Риме Антонио Джустиниан в своих «Депешах» оставил донесение сенату республики Св. Марка от 10 июня 1502 г. о том, что герцог Валентинуа получил предложение от гонца, посланного с письмом руководством Пизы, об осуществлении протектората над территорией мятежного владения, направленного против тосканского государства [18, р. 22]. При этом венецианский дипломат добавил, что поддержку идее взятия герцогом под контроль пизанских земель предварительно выказал и патрон Чезаре — понтифик Александр VI: «Немедленно герцог с этими письмами отправился к папскому святишеству и с радостью сообщил ему эту новость; вместе они очень радовались этому, и дали гонцу доброе рукопожатие» [Там же]. Однако в связи со стратегическим положением Флоренции как ключевого города-государства Центральной Италии, Чезаре уделил внимание диалогу с тосканской республикой, стремившейся, со своей стороны, приложить дипломатические усилия к предупреждению и отведению военных амбиций Борджиа от своей территории. Флорентийская республика в диалоге с Борджиа должна была обратить серьезное внимание, прежде всего, на вовлечение персоны герцога в решение «пизанского вопроса» и прояснить его позицию по проблеме принадлежности фактически «ничейной» Пизы.

Исходя из всего вышесказанного, неудивительно, что первую дипломатическую миссию ко двору Чезаре от имени Флоренции было решено доверить ближайшему сподвижнику гонфалоньера республики, его брату Франческо, несмотря на имевшийся в его «багаже» политической практики неудачный опыт ораторства перед французскими послами по «пизанскому вопросу» [15, с. 95–97]. К тому же данная неудача определенным образом была компенсирована Франческо Содерини при его последующей дипломатической службе Флоренции. Так, епископ Вольтерры проявил себя в качестве флорентийского посла в Милане в 1499 г. и в Риме в 1500 г. [9, р. 175]. Далее, в совместной с Лукой дельи Альбицци миссии ко двору Людовика XII в 1501 г., он приложил все возможные усилия, чтобы компенсировать перед французским монархом неопределенность с долгом Флоренции перед швейцарскими наемниками, предоставленными им республике для пизанской кампании 1500 г. По этому долгу, согласно инструкции, данной Советом Десяти Содерини и Альбицци, уже было выплачено «... около тридцати тысяч дукатов, а за остальное мы все еще должны около трех тысяч; которые мы планировали выплатить

всеми способами до вашего прибытия ко двору» [19, р. 64]. Согласно мнению Дж. Канестрини и А. Дежардена, издавших документы миссии Содерини и Альбицци, первому потребовалось немало воли и такта, чтобы добиться удачного для Флоренции разрешения этой щекотливой ситуации и передать «...инструкции коллегам по миссии в Милане, и те будут действовать согласованно с ними в отношении кардинала Руана» [19, р. 63]. По всей видимости, Содерини в данном случае помогло именно заступничество французского кардинала. При организации миссии ко двору Чезаре Борджиа выбор Франческо как флорентийского репрезентанта объясняется его саном епископа Вольтерры: тем самым Флоренция через герцога рассчитывала фактически говорить напрямую с папой.

Как следует из фрагментов дипломатической корреспонденции миссии Франческо Содерини в Урбино ко двору герцога 22 июня — 20 июля 1502 г. [20, р. 493–507], Чезаре застал брата гонфалоньера врасплох тем, что повел диалог с флорентинцами от своего лица. Более того, герцог уже в первой беседе 25 июня 1502 г. выдвинул флорентийскому посланнику ультиматум: «Между нами нет компромисса: вы должны быть либо моим другом, либо моим врагом. И это был последний вывод и то, что нам показалось завершением всех обсуждений, которые были очень долгими» [20, р. 496]. При этом Содерини упоминает, что Чезаре было известно о готовившемся соглашении между Флоренцией и Францией об оборонительном союзе, и последний в своей излюбленной манере замаскировал угрозу папства предупреждением, оценивая этот флорентийский шаг: «Он всегда говорил, что понимает французское положение вещей, как хороший итальянец, и что он знает, что даже если [французы] вас не обманут, вы все равно будете [ими] обмануты» [Там же]. Важно отметить, что первую беседу с герцогом Содерини вел не в одиночку, его компаньоном по миссии в Урбино был секретарь Совета Десяти Никколо Макиавелли [5, р. 52–56].

Как указывают современные французские исследователи Макиавелли Ж.-Л. Фурнель и Ж.-К. Занкарини, именно секретарь флорентийской дипломатии составил общие донесения посланников по информации на пути в Урбино от 22–24 июня 1502 г. и по итогам первой встречи с герцогом, подписанные Франческо [5, р. 56]. Однако уже 27 июня Макиавелли был отозван с миссии Советом Десяти, и ее основную часть Содерини вел самостоятельно. Анализируя причины подобного шага руководства флорентийской дипломатии, следует сразу исключить вариант ссоры между посланниками ко двору Чезаре. Во всяком случае, нам известно об активной поддержке дальнейших политических инициатив

Никколо со стороны епископа Вольтерры (в частности, его последовательной защите макиавеллевского проекта организации Флоренцией ополчения для взятия Пизы перед многочисленными скептиками в городских магистратах) [5, р. 80–81, 106]. Не могло быть конфликта интересов и в распределении полномочий между Содерини и Макиавелли при организации совместной миссии в Урбино: епископ Вольтерры, так же, как и Никколо, обозначен в ней перед герцогом в статусе «оратора» (*oratore*) [20, р. 493–507]. Скорее, следует предположить о заинтересованности клана Содерини (интересы которого в дипломатии Флоренции перед герцогом представлял Франческо) обсудить лично с Чезаре перспективу разрешения обозначенного им ультиматума о дружбе и вражде, столько хорошо сформулированного Макиавелли.

Уже в отсутствие своего компаньона Содерини начал обсуждение с герцогом вопроса о реакции Чезаре на провокацию в адрес Флоренции, устроенную его бывшим капитаном Вителлоццо Вителли 4 июня 1502 г., подстрекнувшим к мятежу Ареццо, флорентийское рубежное владение [5, р. 51]. В ответ на это, по донесению Франческо, герцог заявил, что клянется в том, что «...ничего не знал о заговоре в Ареццо», однако тут же оправдал действия «своего человека»: «Вителлоццо делает это ради мести, а другие мои люди не примешались» [20, р. 495]. Тем самым герцог вновь недвусмысленно намекал Содерини на «пизанский вопрос» флорентийской политики, поскольку мотив мести Вителлоццо флорентинцам состоял в том, что он был братом Паоло Вителли, кондотьера, казненного республиканским руководством по обвинению в измене в ходе пизанской кампании 1499 г. [15, с. 271]. Однако в словах о невмешательстве «других людей» герцога угадывается и намек на папу. Аллегория герцога «перетянуть одеяло» во флорентийской дипломатической стратегии с Франции на папство тем более очевидна, что в одном из следующих донесений, от 9 июля 1502 г., Франческо Содерини передает брату Пьеро и Совету Десяти следующие слова герцога: «С любовью он говорит о том, что видит, что Ваши Светлости в большей нужде. И что знает, что вас раздражают враги, и они действительно враги. [И знает] трудности города, потому что он изгваздан разнообразием мнений, образом жизни и, наконец, тем, что все рассчитывают на французскую помощь, которая, если она мала, будет для вас недостаточной; если она велика, она будет гораздо серьезнее, чем то, что вы сможете дать взамен» [20, р. 498].

Трудно судить, известно ли было флорентийскому посланнику то же, что и венецианцу Джустиниану, находившемуся на тот момент при папском дворе, о предложении пизанцев герцогу о протекторате. Однако

в передаваемой Содерини фразе герцога о том, что флорентинцы могут «дать взамен» французам, сквозит ирония над ситуацией неопределенности оснований французского держания над Пизой, фактически сложившейся при Карле, но условно поддерживавшейся при Людовике. Как бы то ни было, вывод, сделанный Содерини по итогам миссии 22 июня — 20 июля 1502 г. в Урбино, как и результат этой миссии, оказался следующим: «Вчера я попросил у господина герцога разрешения, дав ему понять, что, поскольку вам показалось, что святейший папа желает, чтобы эти дела были закончены в Риме, Ваши Светлости вернули все туда, и по этой причине они бы меня отозвали. Он остался недоволен и показал мне письма Его Святейшества, и сказал мне через его переписчика, что Его Святейшество был бы очень доволен, что то, что должно быть сделано с ним, было бы сделано с ним. И хотя я показал ему, что, когда Его Блаженство призвал вашего оратора, он дал вам понять, что мы собираемся заключить с ним договор в Риме, и Ваши Светлости, чтобы не усложнять дело, вернули его туда, он остался не очень доволен, и, похоже, пребывал в большом напряжении...» [20, р. 507].

Подводя итог нашему исследованию, можно заключить: Флоренция в результате миссии Франческо Содерини в Урбино 22 июня — 20 июля 1502 г. не выказала герцогу доверия к ведению самостоятельного дипломатического диалога и, соответственно, не разрешила имевшиеся противоречия между сторонами, напротив, скорее дала Чезаре почву для новой авантюры в Тоскане. Вторая миссия в рамках этого диалога осенью 1502 г. будет связана с заключением оборонительного союза Флоренции с Францией, а также с дальнейшим упрочением в тосканской республике «политики одного клана», нашедшем выражение в провозглашении Пьеро Содерини пожизненным гонфалоньером справедливости. Курс клана Содерини на вооруженный нейтралитет Флоренции в Итальянских войнах с целью разрешить «пизанский вопрос» с этого момента будет развит как базис дипломатии республики.

Список источников и литературы

1. *Fredlund W.* Invasion and revolution: France and Florence in 1494: PhD Dissertation. Stanford: Stanford University, 1988. 371 p.
2. *Lazzarini I.* Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford: Oxford University Press, 2015. 337 p.
3. *Najemy J.* A History of Florence 1200–1575. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 529 p.

4. *Hornqvist M.* Machiavelli and Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
5. *Fournel J.-L., Zancarini J.-C.* Machiavel. Une Vie en Guerres. Paris: Passés composes, 2020. 624 p.
6. Dell' assalto dato a Pisa dai Fiorentini con le genti Francesi nel 1500. Breve narrazione scritta da Biagio Buonaccorsi / Avvert. di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. Serie 1. Vol. IV. P. II. Firenze: Gio. Pietro Vieusseux, Editore-Editore, 1853. P. 385–421.
7. *Vettori F.* Sommario della Istoria d'Italia // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / A cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P. 135–246.
8. *Pesman Cooper R.* L'elezione di Pier Soderini a gonfaloniere a vita: note storiche // Archivio Storico Italiano. 1967. Vol. 125. No. 2(454). P. 145–185.
9. *Pesman Cooper R., D'Addario F.* La caduta di Pier Soderini e il "Governo popolare": Pressioni esterne e dissenso interno // Archivio Storico Italiano. 1985. Vol. 143. No. 2(524). P. 225–260.
10. *Lowe K.J.P.* Church and Politics in Renaissance Italy. The Life and Career of Cardinal Francesco Soderini (1453–1524). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 314 p.
11. *Дживелегов А.К.* Франческо Гвиччардини // Гвиччардини Ф. Сочинения / Вст. ст. и ред. А.К. Дживелегова, пер. с итал. М.С. Фельдштейна. М.: Наука, 1934. С. 11–107.
12. *Херманн Х.* Савонарола. Еретик из Сан-Марко / Пер. с нем. Н.А. Савинкова, В.В. Чернышева. М.: Прогресс, 1982. 298 с.
13. *Milner S.* Rubrics and requests: statutory division and supra-communal clientage in Pistoia // Florentine Tuscany. Structures and Practices of Power / Ed. by W.J. Connell, A. Zorzi. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 312–332.
14. *Cadoni G.* La crisi istituzionale degli anni 1499–1502 // Lotte politiche e riforme istituzionali a Firenze tra il 1494 e il 1502 / A cura di G. Cadoni. Roma: Nella sede dell'Istituto, 1999. P. 101–175.
15. *Гвиччардини Ф.* История Италии: в 2 т. Т. 1 / Пер. с итал., подгот. изд-я М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 744 с.
16. *Mallett M.* The Borgias. The Rise and Fall of the Most Infamous Family in History. Chicago: Academy, 1987. 372 p.
17. Deliberation des dix citoyens de Pise, 10 decembre 1501 // Negociations diplomatiques de la France avec la Republique de Florence: in 5 t. Т. II / Rec. et publ. par A. Desjardins, G. Canestrini. Paris: Imprimerie Imperiale, 1861. P. 69–70.

18. Dispacci di Antonio Giustinian, Ambasciatore Veneto in Roma: in 3 vol. Vol. 1 / A cura di P. Villari. Firenze: Le Monnier, 1876. 608 p.
19. Instructions donnees par la Republique a Francesco Soderini et a Luca Albizzi, envoyes au Roi Louis XII // Negociations diplomatiques de la France avec la Republique de Florence: in 5 t. T. II / Rec. et publ. par A. Desjardins, G. Canestrini. Paris: Imprimerie Imperiale, 1861. P. 63–69.
20. Brani di dispacci di Francesco Soderini, vescovo di Volterra, inviato dai Dieci di Balìa di Firenze oratore al duca Valentino in Urbino. 1502, giugno 25 — luglio 20 // Dispacci di Antonio Giustinian: in 3 vol. Vol. 1 / A cura di P. Villari. Firenze: Successori Le Monnier, 1876. P. 493–507.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIV всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(5–7 ноября 2024 г.)*

Под редакцией
А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректura — Ю.Б. Феофанова
Верстка — А.А. Лубина

Подписано к публикации 21.05.2025. Заказ № 17469
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 44,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10